К ИСТОКАМ СЛОЖЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИЗВЕСТНОЙ РИШТАНО-ФЕРГАНСКОЙ ШКОЛЫ КЕРАМИСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)

© 2023. Мирзаахмедов Джамалиддин, Султанова Мунира, Мирзаахмедов Сирожиддин

Самаркандский институт археологии им. Я. Гулямова

Ключевые слова: глазурованная керамика, Бухара, Риштан, Фергана, школа, материал, форма, чаши, блюда.

В публикации обобщаются материалы археологических исследований и этнографических источников по одной из наиболее известных и не разработанных в литературе школе Риштанской керамической продукции. На основе археологических находок из верхних горизонтов Арка и Шахристана Бухары, культурных слоев вокруг Мавзолея Шайхантаур в Ташкенте, а также многочисленных образцов Риштанской и риштаноидной посуды из музейных коллекций Узбекистана рассматриваются истоки, характерные особенности и причины ее широкого и быстрого распространения на керамических рынках Средней Азии во второй половине XIX в. По результатам наших исследований, как по техническим характеристикам изготовления, так и художественным стилевым показателям вновь зародившаяся школа Риштанской продукции по цветовой гамме была совершенно отлична от старой, традиционной – «кадыма». Это, прежде всего, касалось глухой бирюзовой или белой поливы, хорошо покрывавшей как внутреннюю, так и внешнюю, вплоть до поддона, поверхность изделий. Орнаментация кобальтом и марганцем наносилась на внешнюю поверхность чаш, оставляя свободной внутреннюю. Блюда имели приземистую форму, удобную для еды руками густых форм пищи (плова). Но общим являлось обязательное проставление на поддонах схематических псевдокитайских марок. Исходя из представленных материалов, зарождение, быстрое и широкое распространение продукции Риштанской школы мастеров являлось инновационным принятием форм и цветовой гаммы, стиля дорогой китайской фарфоровой посуды и, прежде всего, селадонов, даже обломкам которых в Бухаре приписывалась чудодейственная сила оберега. Благодаря высоким оценкам знатоков и любителей образцы Риштанской и риштаноидной керамической продукции из других городов Ферганской долины почти всегда вводились в состав экспонатов Туркестанского отдела на Всероссийских и Международных выставках, неоднократно награждаясь премиями и медалями и, в том числе, на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.

МАШХУР РИШТОН-ФАРГОНА КУЛОЛЧИЛИК МАКТАБИНИНГ ШАКЛАНИШИ ВА РИВОЖЛАНИШИ ИЛДИЗЛАРИ ХАКИДА (АРХЕОЛОГИК ЖАМЛАНМА МАТЕРИАЛЛАРИ АСОСИДА)

© 2023. Мирзааҳмедов Жамолиддин, Султанова Мунира, Мирзааҳмедов Сирожиддин

Я. Ғуломов номидаги Самарқанд археология институти

Калит сўзлар: сирланган сопол, Бухоро, Риштон, Фарғона, мактаб, материал, шакл, коса, идиш-товоқ.

Мақолада археологик тадқиқотлар ва этнографик манбалар материаллари жамланмаси асосида машҳур Риштон кулолчилиги мактаби маҳсулотлари ҳақида сўз юритилади. Бухоронинг Арк ва Шаҳристонининг юқори горизонтларидан топилган археологик топилмалар, Тошкент шаҳридаги Шайхонтохур мақбараси атрофидаги маданий қатламлар, шунингдек, Ўзбекистон музей коллекцияларидан Риштон ва Риштон идишлари сирасига оид кўплаб идиш намуналари ва уларни XIX асрнинг иккинчи ярмида Ўрта Осиё бозорларида кенг ва тез тарқалиши учун сабаб бўлган манбалари, ўзига хос хусусиятлари ўрганилади.

Тадқиқотлар натижаларига кўра, ҳам техник ишлаб чиқариш хусусиятлари, ҳам бадиий услуб кўрсаткичлари бўйича янги пайдо бўлган Риштон маҳсулотлари мактаби ранг схемаси бўйича эски, анъанавий «қадим»дан бутунлай фарқ қилади. Бу фикрлар биринчи навбатда ички ва ташқи юзаларини яхши қоплаган фируза ёки оқ сирли маҳсулотларига тегишлидир. Кобальтли ва марганецли безаклар одатда косаларнинг ташқи юзасига суртилиб, уларнинг ички юзаси бўш қолдирилган. Идишлар қўл билан қуюқ таомларни (палов) истеъмол қилиш учун қулай бўлган шаклда ясалган. Аммо, уларни умумлаштирувчи нарса схематик “сохтадохитой” маркаларини тагликларга мажбурий ёпиштириш хисобланади. Тақдим этилган материалларга асосланиб, Риштон усталар мактаби маҳсулотларининг пайдо бўлиши, тез ва кенг тарқалиши шакл ва рангларнинг инновацион ўзлаштирилиши, қимматбаҳо Хитой чинни идишлари ва Бухорода ҳатто бўлаги ҳам мўъжизавий кучга эга, деб таърифланган селадонлар ҳам бўлганлиги борасида хулосага келиш мумкин. Мутахассислар ва ҳаваскорларнинг саъй харакатлари туфайли Фарғона водийсининг бошқа шаҳарларидан келган Риштон ва Риштон идишлари сополсозлик мактаби сирасига оид сопол буюмлари намуналари деярли ҳар доим Туркистон бўлими экспонатларига Бутунроссия ва халқаро кўргазмаларда қўйилган, бир неча бор мукофот ва медаллар билан тақдирланган, шу жумладан 1900 йилда Париждаги Бутунжаҳон кўргазмасида ҳам намойиш қилинган.

Введение. Керамическое производство в Ферганской долине известно с глубокой древности. Но особую популярность и широкую известность оно получает в эпоху развитого средневековья с производством поливной керамики столичного центра региона Ахсикента (Анарбаев 2023: илл. 128–135, 154–179). Широко представлена поливная керамика городских центров Ферганы и в последующие столетия XIV–XVII вв. (Мирзаахмедов и др. 2010: рис. 7–13; Анарбаев 2023: илл. 287–291). В данной публикации нам хотелось бы шире разобрать причины и истоки блестящего взлёта её производства в эпоху позднего средневековья в соответствии с данными источников и этнографических материалов XIX – начала XX вв. Археологические и этнографические материалы показывают, что стиль её художественного оформления в предшествующие столетия в целом соответствовал общему руслу развития художественной поливной керамики крупнейших городских центров Средней Азии.

По нашим археологическим материалам, значительные изменения в производстве поливной керамики начинают наблюдаться здесь лишь со второй половины XIX века. Эпоха характеризуется всё возрастающим усилением экономического и военного интереса крупнейших мировых держав к геополитическим изменениям и рынкам Средней Азии. Этот процесс характеризуется по археологическим культурным горизонтам Бухары и других городских центров Средней Азии увеличением количества фрагментов фарфора, фаянса и поливной керамики, поступающим по торговым трассам. Наряду с традиционным, поступавшим на протяжении тысячелетия китайским фарфором, появляются первые образцы русских и европейских изделий из Восточной Европы и европейских изделий из Британской Индии (через Афганистан). Постепенное увеличение поступления привозной посуды, а с конца XIX в. их массовым завозом по новым железным дорогам, демпинговой политикой российских предпринимателей в отношении конкурентных английских товаров (русский фарфор в Бухаре стоил дешевле, чем в самой Москве), их удешевление привело к упадку и постепенному вытеснению более дорогой, высокохудожественной, традиционной парадной посуды. В свою очередь, это привело к падению влияния, разрушению классических крупных керамических центров Средней Азии, таких, как Самарканд и Бухара, насчитывавших тысячелетнюю историю. На смену крупным столичным центрам с производством высокохудожественной дорогой посуды, расположенным по линии железных дорог, приходят мелкие городские и сельские центры, удалённые от железнодорожных путей (такие, как Катта-Курган в Самаркандской области, Гиждуван в Бухарской области и т.д.), экономически связывающие округу с крупной базарной торговлей (Мирзаахмедов 1990: 86). Таким образом, к концу XIX в., крупные керамические центры Гиждуван и Катта-Курган явились родоначаль-

никами новых художественных направлений, новых школ, максимально приспособленных к потребительскому рынку, с дешёвой, массовой, яркой продукцией, отвечавшей вкусам непрезентабельного сельского населения и постепенно перенимавшейся другими керамическими центрами. Керамика этого направления, украшенная дешёвыми привозными красками и глазурями, яркостью и сочностью цветовой гаммы и усложнённостью профилировок, подражавшая «парадным» изделиям, была достаточно дешёвой (Мирзаахмедов 1990: 86).

Но наряду с общими процессами упрощения и удешевления поливной керамики, несколько ранее, в середине XIX века, в Ферганской долине, в её крупном керамическом центре Риштане, наблюдается внедрение нового типа глазурованной посуды, совершенно отличного от образцов предшествующих столетий, создавшего оригинальную школу и в короткие сроки завоевавшего керамические рынки Средней Азии.

Первые исследования в этом направлении были проделаны нами ещё в 70-х гг. прошлого столетия в составе Бухарской археологической экспедиции. Здесь, в верхних слоях Бухарского Арка, датируемых второй половиной XIX в., был обнаружен небольшой комплекс керамики, по форме, орнаментации, качеству, цвету и яркости поливы совершенно отличный от керамики Бухарского оазиса (Мирзаахмедов, Ахраров 1981: 114–125). По музейным материалам и данным литературы, мы отнесли ее к керамике Ферганской долины и, в частности, к риштанской керамической продукции, которая, по свидетельству большинства авторов, в XIX начале XX вв. по художественным и технологическим качествам занимала в Средней Азии ведущее место (Пещерева 1959: 202; Рахимов 1961: 82).

На примере материалов из Бухары, Ташкента, музейным коллекциям и данным литературы попытаемся раскрыть причины и характер столь быстрого распространения керамики риштанского типа по Средней Азии во второй половине XIX в. По данным источников, Риштан благодаря своим большим запасам высококачественной глины издавна считался крупным центром гончарного производства. Здесь было большое число мастеров гончарного дела, каждый из которых специализировался на определённом виде керамической продукции (Развадовский 1916, № 8: 710).

Несмотря на широкое разнообразие керамики риштанского типа исследуемого периода, по археологическим материалам чётко выделяются самобытные образцы с бирюзовой и белой поташной (глушёной) поливой, с надглазурными росписями кобальтом и марганцем, фрагменты которых чаще встречены в Бухаре и других региональных центрах (технику производства см: Пещерева 1959: 185). По свидетельству современников, именно эта керамика приобрела большую популярность и имела широкий спрос «далеко за пределами Ферганской области и даже в Семиречье и Закаспийской области» (Головин 1909: 26).

Рассмотрим керамику этого типа, представленную фрагментами и археологически целыми формами, полученными из верхних горизонтов Арка Бухары. По форме образцы посуды в основном делятся на следующие типы:

Блюда «лаган» (рис. 1: 6, 8). Имеют невысокую уплощённую форму на широком невысоком кольцевом поддоне. Форма венчика не восстанавливается, но, по музейным материалам и данным литературы, подобные блюда имели невысокие стенки, плавно переходящие в венчик, иногда со слегка отогнутым наружу бортиком. Диаметр донцев до 25 см при толщине массивного поддона 1,2 см. Бирюзовая глушёная (непрозрачная) глазурь, по качеству больше напоминающая эмаль, ровно покрывает всю внутреннюю и внешнюю поверхность блюд. Мелкий цек, наблюдающийся на поливе некоторых из них, почти незаметен. Надглазурная орнаментация нанесена на внутреннюю поверхность, чаще кобальтом (синий) и реже марганцем (бурый), которым обводился орнамент. Орнаментальная полоса проходит по стенкам и заканчивается центральной композицией, располагающейся по всей

Рис. 1. Образцы риштаноидных изделий столового и специального назначения из верхних горизонтов Арка Бухары
1-расм. Бухоро Арки юқори маданий қатламларидан чиққан Риштон идишлари сирасига оид ошхона ва махсус идиш намуналари
Figure 1. Examples of Rishtan-like tableware and specific purpose objects found from the upper layers of the Ark fortress, Bukhara

плоскости дна сосуда. Пространство между орнаментальными полосами заполнено двумя параллельными линиями, между которыми проходит меандровый орнамент. Основными её элементами являются многолепестковые розетки двух типов: круглые (Рахимов 1961: табл. XII, № 16 «чархи паррак») и ромбовидные (Рахимов 1961: табл. XIV, № 15 «бехи сарун»), обрамлённые светло-коричневой краской. Орнамент на стенках, состоящий из вихревых лепестковых розеток, расположенных по кругу с элементами растительных побегов между ними, характерен для всех наших блюд. Центрический орнамент в большинстве случаев также состоит из сплетения или чередования ромбовидных и лепестковых вихревых розеток, свободный фон между которыми заполнен ритмически повторяющимися четырёхточиями.

Описанные выше блюда имеют широкое плоское дно и невысокие, плавно отходящие полусферические стенки. Такая уплощённая форма блюд с широким и невыразительным массивным поддоном среди керамических материалов Бухары ранее середины XIX в. не встречалась, не отмечена она и в литературе. Подобные формы блюд находят аналогии среди деревянной столовой посуды древности (Литвинский 1972: 42-43) и позднего средневековья (Шаниязов 1974: 280), а также среди привозных дальневосточных фарфоровых блюд, которые транзитом через Среднюю Азию шли дальше на запад.

Производство риштанскими гончарами уплощённых форм блюд являлось не слепым копированием с дерева или фарфора, а использованием в керамическом искусстве новейших достижений и наиболее рациональных черт, приемлемых для быта народов среднеазиатского Востока. Причиной этого нововведения, видимо, явилось расширение тенденции коллективного приёма «крутой» пищи и прежде всего плова. Плов в этот период, да и по нынешний

Рис. 2. Образцы риштаноидной столовой посуды из верхних горизонтов Арка Бухары
2-расм. Бухоро Арки юқори қатламларидан чиққан
Ришton идишлари сирасига оид ошхона идишлари намуналари
Figure 2. Examples of Rishtan-like tableware found from the upper layers of the Ark fortress, Bukhara

день, наиболее распространённое и любимое блюдо народов Средней Азии (История Народов Узбекистана 1947: 317). Описывая Самарканд 70-х годов XIX в., Л.Ф. Костенко упоминает «100 лавок с продажей плова и пельменей» (Костенко 1871: 26). Коллективные сборы с приготовлением плова являлись любимым видом отдыха мужчин (Андреев, Чехович 1972: 106).

Е. М. Пещерева отмечает, что посуда риштанского типа вне зависимости от того, с бирюзовой она или белой поташной поливой, очень высоко ценилась населением. Для семейных празднеств (туй), когда в доме собиралось много гостей, богатые люди заказывали мастерам блюда с голубым и синим рисунком. Поэтому голубые блюда, кроме названия по виду краски – «лочивард лаган», именовались также «туй лаган» (Пещерева 1959: 185-186). Появление и распространение таких форм блюд связано с тем, что форма блюд предшествующего этапа с нешироким донцем была неустойчивой и создавала определённые неудобства при употреблении пищи руками. Новая форма поддона отвечала практическим требованиям национальной кухни и предназначалась чаще не для индивидуального, а коллективного принятия пищи.

Чаши «коса» (рис. 1: 1, 2, 4, 5). Округлый полусферический корпус чаш остался таким же, каким он сформировался в предшествующие столетия. По профилировке наряду с обычными, выступающими и прямыми кольцевыми поддонами распространяется бытование их ступенчатых форм. По внешней поверхности чаш со ступенчатым поддоном проходит незначительное выступающее кольцевое обрамление, служащее разделительной гранью между орнаментным поясом стенок чаши и орнаментной каймой придонной части. Эта ступенчатость формы донцев была наиболее удобна при переноске горячей жидкой

пищи. Такие донца чаш были известны еще в XV–XVI вв. (Пугаченкова 1949: 415, рис. 14), но в дальнейшем, особенно в кризисный период XVIII в., столовая посуда стала грубее и сосуды с такой формой почти исчезли. В конце XVIII – первой половине XIX вв. эта форма донцев в Бухаре еще не встречается. Изнутри и снаружи чаши покрывались, как правило, бирюзовой или белого цвета поливой, включая и поддон; реже полива была голубоватого и синеватого тонов. Иногда бирюзовую и белую поливу использовали на одной чаше, окрашивая в разные цвета внутреннюю и наружную поверхности (рис.2:1,5,6).

Некоторые фрагменты чаш покрывает едва различимая сеточка цека, но, несмотря на это, глазурь плотно держится на поверхности изделий. Надглазурная роспись наносилась лишь на наружную поверхность чаш кобальтом, чаще в сочетании с марганцевой краской. Широкая орнаментальная полоса, покрывающая стенки и венчик археологически целых чаш, состоит из расположенных по кругу многолепестковых розеток (Рахимов 1961: табл. X, № 13 – «парпашша») с заполнением пространства между ними схематическими растительными побегами (подобный орнамент был нанесён на блюдо из Риштана, относимое Н. Бурдуковым к первой половине XIX в., см.: Бурдуков 1904: табл. XII). Чаши, в придонной части которых имеются орнаментальные каёмочки, состоят из простейших растительных или геометрических мотивов. Одной из характерных особенностей чаш является стандартность их форм и размеров, а также однотипность орнаментации. На двух археологически целых чашах диаметр венчиков варьирует от 16 до 16,5 см, а диаметр донцев на всех фрагментах – от 6,5 до 8,5 см. Если орнаментация блюд выполнена довольно тщательно, то этого нельзя сказать об орнаменте на чашах, который местами расплывчат, не всегда симметричен, встречаются даже пропуски деталей, что, видимо, свидетельствует о массовости производства и работе мастеров-керамистов, ориентированных на широкий потребительский рынок. Характерной особенностью всех чаш является нанесение изображения схематически условных имитаций марок китайских фарфоровых заводов, которые располагаются в их поддонной части.

По форме, цвету поливы и орнаментации наиболее близки чашам фрагменты археологически целых пиал (рис.1: 3; рис. 2: 1, 5). По внешней поверхности стенок первой нанесена крупная многолепестковая розетка с небольшими трилистниками, отходящими от её концов. Подобный орнамент с теми или иными вариациями широко распространён в орнаментальном искусстве Средней Азии (Пугаченкова 1950: 104, илл.4; Рахимов 1961: табл. XVII, № 7– «гирдоби пара»).

Наряду со столовой посудой в материалах из Бухарского Арка была встречена посуда специального назначения, чернильница – «сиёхдон» (рис. 1: 7). Это миниатюрный сосудик на широкой устойчивой ножке, с узкой горловиной и широким округлым туловом. Венчик выражен слабо, диаметр отверстия – 2,5 см, высота – 4,8 см, ширина тулова – 4,5 см, диаметр поддона – 3,5 см. За исключением донца, она с обеих сторон покрыта бирюзовой глазурью. Орнаментация расплывчатая, мраморовидного характера, с полосками и пятнами синей и тёмно-коричневой краски. Аналогичные (по форме и материалу) чернильницы встречались на городищах Кува (конец XII – начало XIII вв.) (Ахраров 1962: 61–62) и Ниса (XV–XVI вв) (Пугаченкова 1949: 205). Интересно отметить, что по форме керамические сиёхдоны за этот период не претерпели существенных изменений. В своей работе Е.М. Пещерева упоминает одного мастера-керамиста из Риштана, занимавшегося производством чернильных приборов в конце XIX – начале XX вв. (Пещерева 1959: 205). Чернильница из Риштана имелась также и у Головина – автора работ по кустарным промыслам Туркестана (Головин 1909: 28). Хотя в этот период продолжали производить и металлические чернильницы, наша находка свидетельствует о широком использовании в быту менее дорогих керамических сиёхдонов. Об использовании глиняных чернильниц упоминает в своих воспоминаниях о Бухаре С. Айни (Айни 1974: 140).

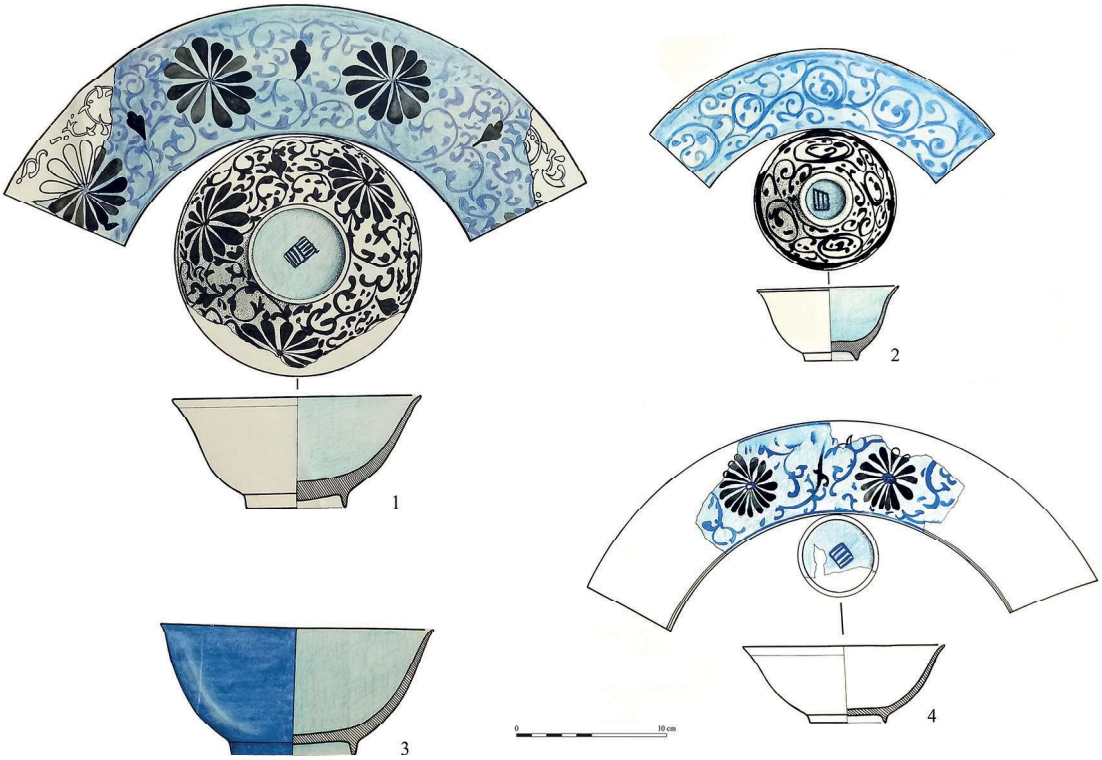

Рис. 3. Образцы риштаноидной столовой посуды из верхних горизонтов близ Тима Абдуллахана в Бухаре
3-расм. Абдулахон тими ёни юқори археологик қатламларидан чиққан
Ришton идишлари сирасига оид ошхона идишлари намуналари
Figure 3. Examples of Rishtan-like tableware found from the upper layers near the Tim of Abdullakhan in Bukhara

Вместе с тем, за последние десятилетия, наряду с материалами по керамике риштанского типа из Арка Бухары, получены идентичные комплексы поливной керамики при раскопках верхних горизонтов Старого Шахристана города, к югу от Тима Абдуллахана. Комплекс получен из мусорного отвала с образцами посуды второй половины XIX века при зачистке северо-восточного угла стены котлована под гостиницу. Материал представлен образцами поливной керамики, привозного фарфора и керамических игрушек. При этом наблюдалась и визуальная хронологическая последовательность выбираемого материала, основанная на уровне их послойного залегания.

Нижний горизонт мусорной ямы был заполнен большим количеством фрагментов чаш (коса), нимкоса (получаш) и чашечек (пиала), покрытых как по внутренней, так и по внешней поверхности изделий, включая и поддоны с поливой бирюзового цвета. Сплошная, богатая растительная орнаментация, исполнявшаяся синей (кобальт) и чёрной (марганец) красками, наносилась лишь по внешней поверхности изделий, оставляя чистый голубой фон качественной поливы, иногда с цеком по внутренней поверхности. На всех образцах поддонов чаш, нимкоса и пиал фиксируются схематически нанесённые изображения псевдокитайских марок (рис. 3–6) (Мирзаахмедов 2006; Мирзаахмедов 2023). По результатам предшествующих исследований, подобная керамика хорошо отождествляется с образцами риштанопидной посуды, выполнявшейся в подражание китайским селадонам. Для большего сходства тесто черепка изделий могло изготовляться из белого или смешанного с лёссом желтоватого или красноватого кашина, реже из обыкновенной глины, но обязательно на кольцевых поддонах. В данном случае интерес представляет и то, что в комплексе отсутствуют формы блюд (лаган), также распространённых в этот пери-

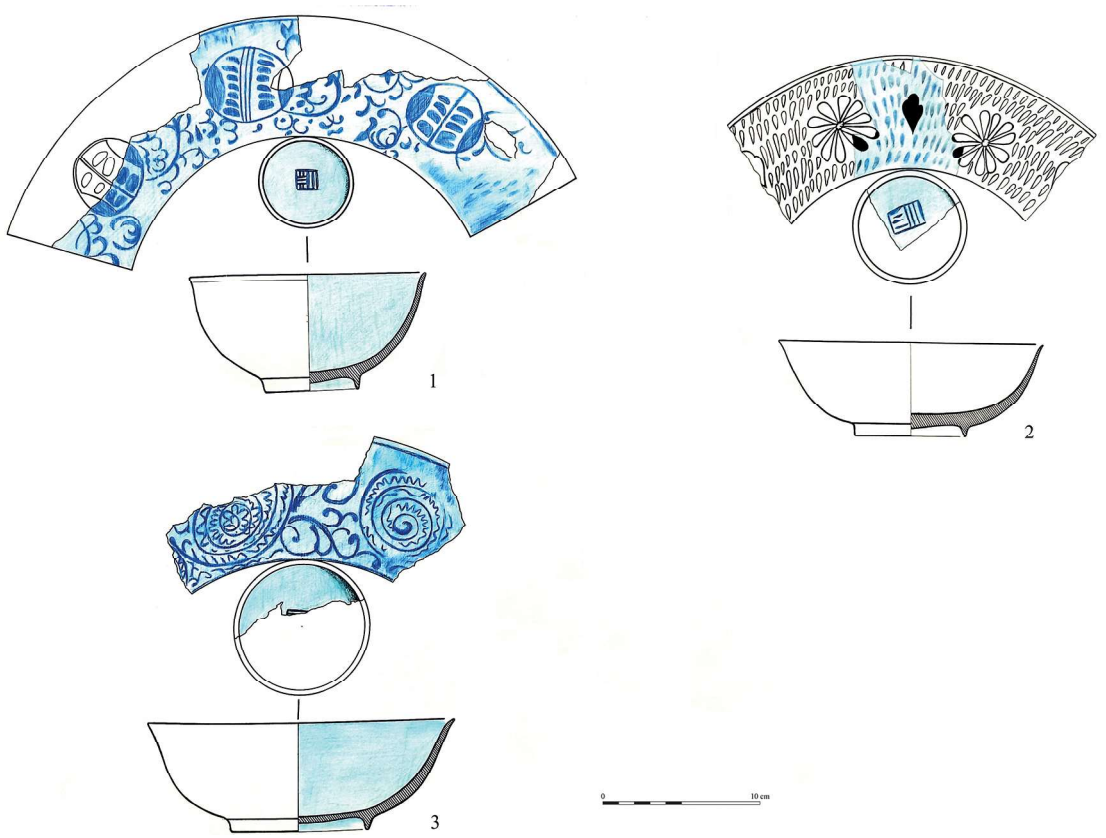

Рис. 4. Образцы риштаноидной столовой посуды из верхних горизонтов близ Тима Абдуллахана в Бухаре
4-расм. Абдуллахон тими ёни юқори археологик қатламларидан чиққан Риштон идишлари сирасига оид ошхона идишлари намуналари
Figure 4. Examples of Rishtan-like tableware found from the upper layers near the Tim of Abdullakhan in Bukhara

од, хотя и в несколько меньших количественных соотношениях. После проклейки было определено более десяти форм чаш, три образца нимкоса и одна целая форма пиалы.

Чаши «коса» имеют кольцевые донца, полусферические стенки и несколько отогнутую наружу закраину. Они исключительно стандартны как по профилировке, из чего складывается впечатление выполнения в формах-калыбах, так и по размерам. Диаметры донец чаш варьируют в пределах 6,5–7,6 см, в большинстве случаев соответствуя их высоте, которая варьирует в пределах 6,5–7,4 см. Т.е. на каждом отдельно взятом экземпляре диаметр донца соответствует высоте или разнится лишь в 2–3 мм. При этом диаметры венчиков на археологически целых образцах соответствуют 17,2–18,5 см. Также необходимо обратить внимание на художественно-технологические особенности производства. Цвет теста черепка, видимо, состоящего из смеси кашина и лёсса, на подавляющем большинстве образцов имеет желтоватый оттенок и лишь в единичном случае слегка розоватый, скорее свидетельствуя о характере обжига, а не в разнице цвета глины. Бирюзовая оловянистая глушёная полива, иногда с цеком, больше напоминающая эмаль, плотно прилегает к тесту черепка. Роспись синими (кобальт) и тёмно-коричневыми (марганец) красками наносилась по внешней поверхности изделий.

Интерес вызывает и сама система обжига, при которой на посуде должны оставаться следы от печных припасов, в частности, от треножек-сепоя. На наших образцах они не прослеживаются. В этом плане совершенно определённо только вертикальное положение чаш при обжиге, на что указывают частично опускающиеся от венчика потёки глазури. Новым является и принцип полного перенесения художественной росписи на внешнюю поверхность изделия, безусловно предопределивший дальнейшие веяния моды в композиционном

распределении орнамента. На безусловное исполнение подавляющей части чаш (около восьми) одним мастером указывает не только идентичность их форм, близкие размеры, цветовая гамма, единый тип изображений псевдокитайских марок на поддонах, но и общий характер растительно-цветочной орнаментации. Она состояла из трёх крупных лепестковых розеток росписью марганцем и окружающих их густых веточек ислими кобальтом (рис. 3:1,4). Близкий к ним экземпляр, но с заменой густых веточек стилизованными вертикальными штрихами, был встречен в одном экземпляре (рис.4:2).

Две следующие чаши также расписаны идентичной орнаментацией, но лишь кобальтом. Разница заключается и в отображении трёх лепестковых розеток, заменённых в первом случае на закручивающийся внутрь круга спиралевидный волнистый мотив (рис.4:3), а во втором в круговую розетку вписан мотив побега (рис.4:1).

К иной серии может быть отнесён ещё один образец чаши. покрытый по внутренней поверхности стенок и поддону днища бирюзовой поливой, а по внешней – контрастной синей (рис. 3:3). Необходимо отметить, что идентичные типы фарфоровых изделий широко производились и экспортировались в Среднюю Азию в конце XVIII – первой половине XIX вв. из Китая, послужив, таким образом, ещё одним образцом для подражания (Чабров 1958: С. 118).

Рис. 5. Образцы риштаноидной столовой посуды с Тима Абдуллахана в Бухаре по внешним поверхностям
5-расм. Абдуллахон тими ёнидан чиққан Ришton идишлари сирасига оид ошхона идишлари намуналарининг ташқи кўриниши
Figure 5. Examples of Rishtan-like tableware found from the surface level of the Tim of Abdullakhan in Bukhara

Нимкоса «получаши» имеют такую же форму, но меньше по размерам. Представлены в количестве одной археологически целой и двух экземпляров во фрагментах (рис.3:4; рис.4:2). Диаметры донцев варьируют в пределах 5–5,5 см, высота 5 см, диаметры венчиков 13,7–14 см. Орнаментацию чаш (коса) и получаш (нимкоса) можно считать идентичной. В двух случаях роспись кобальтом перемежается тёмно-коричневыми лепестковыми розетками, а в одном она полностью выполнена кобальтом. В отличие от чаш, несколько видоизменено лишь начертание псевдокитайских марок.

Рис. 6. Образцы риштаноидной столовой посуды с Тима Абдуллахана в Бухаре с псевдокитайскими марками на поддонах
6-расм. Абдуллахон тими ёнидан чиққан Ришton идишлари сирасига оид ошхона идишлари тагдонларидаги “сохта хитой” намуналарининг кўриниши
Figure 6. Examples of Rishtan-like tableware, with pseudo-Chinese marks on their bases, found from the Tim of Abdullakhan in Bukhara

Чашечки «пиала» составляют ещё одну подгруппу чашевидных сосудов, наименьшую по размерам. В комплексе встречен лишь один археологически целый экземпляр. Диаметр донца 4 см., высота 4,7 см., а диаметр венчика 10,2 см. Орнаментация полностью выполнена кобальтом, напоминает композиции на предшествующих образцах чашевидных сосудов. Хотя, в отличие от последних, вместо лепестковых розеток нанесены схематические растительные круги с вписанными побегами виноградных усиков (рис.3:2).

В целом, в отличие от приземистых, объёмных форм чаш и нимкоса, пиала имела более приподнятую изящную форму, напоминая идентичные привозные китайские образцы (Мирзаахмедов 1990, рис. 51:5). Исходя из вышеописанных показателей: общего характера растительно-цветочной орнаментации (разнящегося лишь в деталях), цветовой гаммы, близких размеров, а также идентичной манеры изображений псевдокитайских марок на поддонах, можно с уверенностью предположить, что они были изготовлены и приобретены у одного мастера. Для нас особенно интересно то, что выявленный «комплекс потребителя» представляет из себя однотипный «парадный» сервиз из чаш и чашечек, видимо, использовавшийся не только для украшения полочек михманханы, но и вошедшей в моду подачи в торжественных случаях единообразной, дорогой парадной посуды для именитых гостей.

Тем не менее, необходимо отметить, что первые признаки подобной стандартизации и сервизного характера производства чаш и блюд, несомненно, имели более раннюю историю. Безусловно, фиксируются они уже в «комплексе потребителя» и получены из бадрабов первой половины XVIII в. из раскопа у медресе Мири Араб (Мирзаахмедов 1981, рис. 1). Позднее подобные, хорошо определяющиеся на данных материалах явления стали массовыми в период культурного подъёма и экономического благосостояния со второй половины XX века. Особняком стоит археологически не реконструируемый ещё один образец поддона чаши с несколькими фрагментами венчиков вышеописанного риштаноидного

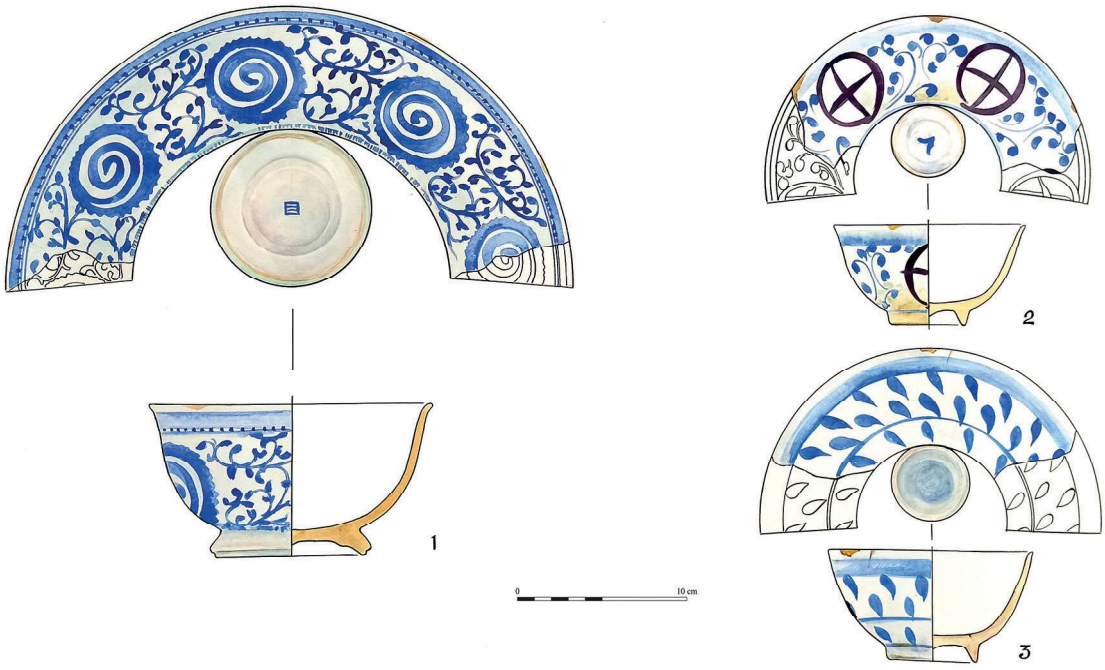

Рис. 7. Образцы столовой риштаноидной столовой посуды близ мавзолея Шайхантаур в Ташкенте
7 расм. Тошкентдаги Шайхонтовур мақбараси ёнидан чиққан Риштон идишлари сирасига оид ошхона идишлари намуналари
Figure 7. Examples of Rishtan-like tableware found near the Shaikhantaur mausoleum in Tashkent

типа. В отличие от предшествующих стандартных вариантов, он выделяется массивным, выполненным из глины, высоко приподнятым, без сплошного покрытия поливой основанием. Нестандартный характер донца, полностью выполненный на глиняной основе, присущий обычным местным образцам чаш, плохое качество поливы и небрежность росписи свидетельствуют о неумелой попытке подражания неквалифицированным мастером (д.д. 6 см). Интерес в данном случае представляет и то, что на кольцевом поддоне фиксируется специально проделанное ещё до обжига отверстие, случаи присутствия которых были отмечены нами и на предшествующих образцах чаш XII–XIII вв. (Мирзаахмедов 2006, рис.1:5). Ранее мы полагали, что эти отверстия могли предназначаться лишь для вывешивания при украшении стен помещения мехманханы, теперь же мы также предполагаем, что посуда таким образом могла подвешиваться при обжиге в печи, чтобы исключить непрезентабельно выделявшиеся места припоя печного припаса «сепоя» на посуде.

В целом второй комплекс риштаноидной керамики представляет ещё один интересный пример распространения привозных, а впоследствии изготовлявшихся на местах новых видов изделий и достаточно быстрого вытеснения ими старых, парадных образцов посуды местных центров. Возникнув в подражание очень высоко ценившимся на среднеазиатском рынке типам китайских селадонов, они в значительной степени повлияли на формирование нового художественного направления мастеров и вкусов населения узбекских ханств «нового времени»: с ярко выраженными кольцевыми донцами, росписью кобальтом, перенесением основной нагрузки художественной композиции на внешнюю поверхность изделия, оставляя гигиенически чистой её внутреннюю плоскость.

Эти новшества опустились на подготовленную почву, так как уже в большей или меньшей степени присутствовали на различных хронологических этапах местного про-

изводства столовой посуды. В свою очередь, это также являлось следствием длительного процесса совершенствования керамических изделий на базе изменения как самих видов пищи, так и характера их потребления в кругу семьи или коллективного сообщества (туи, поминки и т.д.). В результате к началу XX века эти формы и художественно-технологические особенности посуды стали показателем и непременным атрибутом менталитета населения вновь сформировавшихся республик Средней Азии. К этому также необходимо добавить, что описанная выше риштаноидная керамика, полученная близ Тима Абдуллахана в Бухаре была выявлена в комплексе с местной, нового массового типа хорошо датируемой керамики с желтовато-зелёной поливой и незначительным количеством фрагментов раннего фарфора без марок, скорее всего, российского производства, в целом датируемых последней третью XIX–началом XX вв. (Мирзаахмедов 2006).

Близкая по характеру посуда была выявлена нами и при раскопках верхних горизонтов Ташкента, близ мазара и мавзолея Шайхантаур (Шайх Хованда Тахур) (рис. 7:1–3). Материал состоял из стандартных форм чаши (коса) и двух чашечек (пиал). Орнаментация по внешней поверхности изделий также традиционна – это чаша, украшенная густыми растительными побегами, перемежающимися со спиралевидными круговыми мотивами по тулову (рис.7:1), и пиалы со стилизацией под эти мотивы (рис.7:2,3). Представленные материалы из Ташкента дополняют и разнообразят отмеченные бухарские комплексы, полностью подтверждая данные археологии, литературы и этнографии о широком распространении и известности продукции риштанских мастеров (Мирзаахмедов 2023, рис. 5). Также добавим, что на особую популярность подобной керамики в Ташкенте может указывать и сложившееся её обиходное название по этнографическим материалам «тошкан чинниси» (Ершов 1975: 91–92).

Фрагменты керамики риштанского типа из Бухары в изломе имеют в основном три цвета: красновато-кирпичный, серовато-желтый и белый. Одно донце чаши, а также фрагмент пиалы с белым черепком выполнены из кашина (фаянс). Таким образом, тесто керамики с бирюзовой и белой глухой поливой может быть как обыкновенной глиняной, так и кашиновой (чинни). Изделия такого рода за сходство с фарфором иногда называли «ялгон чини» (Сухарев 1948: 52; Ершов 1975: 91–92).

В отличие от керамики Риштана, имеющей красновато-кирпичный цвет, для керамики Бухары в подавляющем большинстве характерен розовато-желтый (Развадовский 1916: 568). Это свидетельствует о том, что наряду с риштанскими привозными изделиями существовала аналогичная посуда, изготовлявшаяся в самой Бухаре.

Риштанская керамика, обнаруженная в небольшом количестве среди бухарского материала, вначале была определена нами как привозная, но данные литературы подсказали возможности иного пути появления её в Бухаре. Литературные источники свидетельствуют, что в Риштан, приобретший громкую славу популярного центра керамического производства, начали стекаться мастера гончарного дела из других районов Средней Азии, пожелавшие приобрести знания и навыки для использования их у себя в крае (Пещерева 1959: 202). В свою очередь, риштанские мастера в поисках заработка выезжали в самые отдалённые уголки Средней Азии, где спрос на их продукцию был широк, и даже в такие крупные гончарные центры, как Самарканд и Бухара (Андреев 1926: 8–11; Пещерева 1959: 202). Так, М.С. Андреев указывает на чустского мастера-гончара Джамаль-эд-дина, изделия которого перекупщики в конце третьей четверти XIX в. направляли в Самарканд и Бухару, а Е.М. Пещерева – на известного риштанского мастера Усто Ахмеда, жившего многие годы в Самарканде, Бухаре и Хатырчи. Таким образом, мы имеем конкретные примеры не только ввоза керамики риштанского типа в Бухару, но и переезда сюда мастеров, распространявших свойственные риштанским мастерам приёмы выделки (Андреев, Чехович 1972: 8).

Время появления керамики с бирюзовой и белой поливой освещено в работе Е. М. Пещеревой (Пещерева 1959: 230). По её данным, появление бирюзовой поливы относится к 50-м годам XIX в. Е.М. Пещерева полагает, что рецепт производства глухой поливы, скорее всего, был заимствован из Ирана (Пещерева 1959: 230), но не лишена оснований и другая версия, по которой «...Усто Абдулло вместе с другим мастером Мухсином ездил обучаться производству «чинни» в Бухару так же, как и работавший в Коканде в первой четверти прошлого столетия Усто Собиржон» (Пещерева 1959: 230). Последние версии могут быть правдоподобны только в отношении производства кашинных изделий (чинни), которые часто встречаются в Бухаре среди находок конца XVIII – первой половины XIX вв. (Мирзаахмедов 1990: рис. 50), а специфическая глушёная глазурь, характерная для Риштана, для Бухары конца XVIII – первой половины XIX вв. неизвестна.

Находки риштанской керамики с материалами второй половины XIX в. опровергают мнение Н. Бурдукова о том, что эта керамика могла появиться в Риштане в первой половине XIX в. (Бурдуков 1904: табл. XII). Более определённо мнение Е. М. Пещеревой, которая относит появление посуды с белой глухой поливой к 70–80 гг. XIX века.

Мы полагаем, что широкое распространение керамики с бирюзовой поливой вызвано двумя причинами. Прежде всего, бирюза являлась одним из любимых на Востоке камней-самоцветов. С ней здесь было связано множество поверий и легенд, приписывающих тем, кто носит её, личное счастье, здоровье и материальное благополучие. Камень являлся также оберегом от всевозможных несчастий (Семёнов 1912: 299). О широкой популярности бирюзы в Средней Азии свидетельствуют крупные разработки, существовавшие на территории нынешнего Узбекистана (Пругер 1974: 280), и торговые ряды с драгоценными камнями, в том числе с бирюзой, в Бухаре (Мейендорф 1975: 102). Особенно ценились у женщин кольца с двумя глазками – из рубина и бирюзы.

Рубин являлся символом молодости и красоты, а бирюза – оберегом от сглаза. Поэтому не случайно на Востоке в средние века получает широкое распространение посуда голубоватых и зеленоватых тонов. Чрезвычайно почитаемы были селадоны – толстостенные фарфоровые изделия, покрытые необыкновенно прозрачной глазурью зеленоватых оттенков. В средневековой Европе этим сосудам, напоминающим по цвету камень нефрит, при¬писывалась способность обнаруживать яд, положенный в подаваемую в них пищу. Для них делали богатую оправу из чистого золота и украшали самоцветами (Квертфельд 1933: 189–191). В Иране стали даже производить посуду, имитирующую селадоны (Фехнер 1952: 115).

В Средней Азии попытки имитации цвета селадонов известны с первой трети XII в., когда появились первые, точно датированные архитектурные памятники с плитками декора, покрытые бирюзовой поливой (Минарет Калян,1127 г.). А через несколько десятилетий получила массовое распространение керамическая посуда с глухой, толстой, идентичного цвета поливой, напоминающая по форме, иногда с фестончатыми краями венчиков, привозные дальневосточные селадоновые изделия. В XIV–XVI вв. на территории Средней Азии господствовала керамика с белой прозрачной глазурью и росписью кобальтом, характерная для китайского фарфора этого периода. Из сказанного следует, что попытки риштанских мастеров имели в основе глубокие, традиции использования любимых и почитаемых цветов так же, как имитация и под более совершенный, дорогой материал производства – фарфор. Почитание селадонов в Средней Азии было настолько сильным, что до недавних пор даже их обломкам приписывалась чудодейственная сила. В Бухаре такая посуда, напоминающая по цвету человеческую мокроту, называлась «балгами». Их фрагменты использовались как средство от сглаза, в виде амулетов и тумаров-оберегов (Пугаченкова 1950: 103–104). А русские промышленники фарфора изготовляли специальную посуду, в

том числе селадоны, выполненные в подражание китайскому фарфору, со схематическими марками, которые пользовались широким спросом в странах мусульманского Востока, Средней Азии и даже в некоторых областях Восточного Китая (Пруслина 1974: 34).

Риштанские мастера, желая подчеркнуть дальневосточное происхождение своих изделий, на донцах ставили подобие клейма китайских фарфоровых предприятий. Изменения (заимствования с фарфоровых изделий), прежде всего, коснулись форм блюд, ставших в значительной степени уплощёнными с невысокими стенками и с широким, на большую часть диаметра блюда, плохо выраженным донцем. Изменились также и некоторые внешние формы орнаментальной композиции (в основном чаш), но в целом они сохраняли глубоко традиционные местные мотивы. Крупный специалист по керамике Ближнего Востока Э. К. Квертфельдт утверждал по этому поводу, что «туркестанцы заимствовали лишь монохромность и несколько растительных мотивов, переделав их почти до неузнаваемости на свой местный лад» (Квертфельдт 1947: 135). И последнее, само название «чинни», т. е. «фарфоровая» (под словом «чин» в Средней Азии понимали Китай), стало синонимом привозного из Китая фарфора (чинни, т.е. китайская). В дальнейшем словом «чинни» стали называть кашинные изделия местного производства, так как по своей технологии и орнаментальной композиции они преследовали цель имитировать фарфор. В дореволюционной русской литературе кашинные изделия назывались фаянсовыми. Словом «чинни» называли эту керамику и риштанские мастера в совокупности с дальневосточными марками, которые они ставили на поддонах своих изделий, свидетельствуя не о подражании, а, скорее, о наивной попытке подделки, характерной только для первоначального этапа производства.

Риштанские гончары добились успеха не в результате слепого подражания, а благодаря рациональному использованию форм и орнаментальной композиции, наиболее приемлемых для местного потребителя. В дальнейшем такая имитация фарфора сохранила лишь внешние атрибуты, потеряв всякий внутренний смысл. Во-первых, покупателей это не вводило в заблуждение, у местного населения даже возникли термины для названия такого рода изделий – «ёлгон чинни», «сопол чинни», «тошкан чинниси», «чини мусульмони», т. е. «ложный фарфор», «глиняный фарфор», «ташкентский фарфор», «мусульманский фарфор» (Пещерева 1959: 185; Ершов 1975: 91–92). Во-вторых, риштанские изделия стали настолько хороши по качеству, что население покупало их без рекламы. Таким образом, попытка подделки привела к появлению в Средней Азии новых цветовых гамм поливы, в результате которой несколько видоизмененная, но традиционная орнаментика приобрела неподражаемую красочность.

Рассмотрим некоторые аспекты политической истории, сыгравшие, видимо, немаловажную роль в появлении, столь быстром успехе и распространении риштанской керамики во второй половине XIX в. В этот период Кокандское ханство было восточными воротами Средней Азии, куда из Китая через Восточный Туркестан ввозились в основном чай и фарфор. Именно отсюда и возникло у населения неправильное представление о китайском фарфоре как происходящем из Кашгара («Кашгари»), бытовавшее вплоть до начала XX в. В. Вельяминов-Зернов отмечает, что в начале 50-х годов XIX в. сюда ежегодно прибывали из Кашгара «50 лошадей китайских чашек», а также китайский фарфор из Кульджи (Вельяминов-Зернов 1856: 131). Он же упоминает, что мужчины в Кокандском ханстве «преимущественно занимаются гончарною работой и выделкою кож» (Вельяминов-Зернов 1856: 123). Это свидетельство высокого подъёма гончарного производства в крае. Привозной китайский фарфор, который ввиду своей дороговизны был доступен лишь для верхних слоёв общества, практически не оказывал конкуренции ферганской керамике. Ферганские мастера не упустили такого существенного обстоятельства для совершенствования своих изделий. Кроме того, в третьей четверти XIX в. в связи с внутри-

политическими событиями в Восточном Туркестане ввоз китайского фарфора частично или полностью прекращался, спрос же на него повышался. Это обстоятельство, видимо, в какой-то степени и стимулировало работу риштанских мастеров под китайский фарфор.

По данным Е. М. Пещеревой (Пещерева 1959: 230–231) и из XII табл. Н. Бурдукова (Бурдуков 1904: табл. XII) можно заключить, что вначале появилась посуда с бирюзовой, а затем с белой поливой. Производство керамики этого типа стало быстро распространяться по всей Ферганской долине. Кроме Риштана, прекрасные ее образцы были известны в Коканде, Андижане, Намангане, Ходженте, Чусте, Канибадаме и Ура-Тюбе (Пещерева 1959: 230).

Риштанская керамика и керамика риштаноидного типа различных городов Ферганской долины почти всегда вводилась в состав экспонатов Туркестанского отдела на всероссийских и международных выставках, неоднократно награждалась премиями и медалями (Чабров 1958: 43). Но наиболее высокая оценка была дана ей знатоками, любителями и коллекционерами на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. (Головин 1909: 26) Такой огромный успех вызвал большой интерес к риштанской керамике и в официальных кругах русского общества. Как отмечает Головин, в 1901–1903 гг. министерством земледелия и государственных имуществ «был командирован в Коканд чиновник особых поручений Н.О. Бурдуков для ознакомления на месте, в Риштане, с гончарным производством. Большая коллекция риштанской посуды, увезённая в образцах г. Бурдуковым в Петербург, не могла удовлетворить требованиям заинтересовавшихся ею лиц, и только дальность расстояния и слишком плохие условия перевозки с риском боя не дали возможности установления постоянного сбыта этих предметов народного производства в наши столицы» (Головин 1909: 26–27). Таким образом, экспорт риштанской керамической продукции на внутренние рынки России представлялся совершенно очевидным и не был осуществлен лишь из-за дальности и неудобств транспортировки.

В Бухару эта керамика вначале попадала в небольшом количестве как привозная, затем сюда, как мы отмечали выше, стали приезжать гончары из Ферганской долины (Пещерева 1959: 202). Эти данные подтверждаются сведениями, полученными автором от краеведа С.Н. Юренева, прожившего в Бухаре более 30 лет. Он сообщил, что при раскопках к северу и северо-западу от мавзолея Саманидов им были вскрыты отвалы гончарных печей с керамикой риштанского типа. Опрос населения в этом районе и данные литературы показывают, что во второй половине XIX – начале XX вв. здесь находились керамические мастерские (Сухарева 1976: 134). Здесь же в 1971 г. нами был расчищен отвал бракованных изделий местного гончарного производства конца XIX – начала XX вв. (Мирзаахмедов. 1980).

Хотя в Бухаре производилась и использовалась керамика риштанского типа, но она играла роль оригинальной парадной или парадно-обиходной посуды, о чём свидетельствуют археологические материалы. Также необходимо отметить, что Бухара являлась столицей крупного ханства, где пересекались многие караванные пути. Фарфор сюда доставлялся из России, Китая и Британской Индии (через Афганистан). Риштанская керамика принадлежала к более дорогостоящим видам гончарной посуды и к концу XIX в. не выдержала конкуренции с фарфором и фаянсами, которые во всё возрастающем количестве выпускались на заводах России и Европы и всё более дешевели. Значительный удар был нанесен риштанской керамике в Бухаре и в целом местной парадной керамике региона в связи с вводом в действие железной дороги Красноводск–Бухара в 1887 г. и установлением непосредственных связей между среднеазиатским и российским рынками. Русские товары и, в частности, фарфор широким потоком хлынули на рынки Бухары, вытеснив почти все виды расписной керамики и кашинных изделий. В Ферганскую долину и в Ташкент железная дорога была проведена только в 1899 году, поэтому здесь местное керамическое производство пострадало в последнюю очередь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Айни С. Собр. соч. В 6 т. Т. 5 / Отв. ред. Шукуров. Осадре Зие. М.: ГИХЛ, 1974, с. 18–28.

Анарбаев А. Археологический парк Ахсикента // Ахсикент и города Ферганы на Великом Шелковом Пути / Отв. ред. Ф. А. Максудов. Том I. Ташкент: «FAN». 2023. 321с.

Андреев М. С. К материалу по среднеазиатской керамике. Ташкент: 1926. С. 8–11.

Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк Бухары в конце XIX – начале XX вв / Отв. ред А. К. Писарчик, О. Д. Чехович. Душанбе: Дониш, 1972. 106 с.

Ахраров И. Средневековые чернильницы с городища Кува // ОНУ, 1962, № 1. С. 61–62.

Бурдуков Н. Гончарные изделия Средней Азии / СПб.: Изд-во Министерство финансов. 1904. XVIII с., цв. илл. 36 х 27 см.

Вельяминов-Зернов В. Сведения о Кокандском ханстве. // Вестник РГО, ч. XVIII. СПб.: Типография Эдуардо Праца. 1856. С. 107–152.

Головин Г. Кустарные промыслы Туркестана // Туркестанский сборник. Т. 512 / Ташкент: 1909. С. 17–32

Ершов Н. И. Собрание этнографических коллекций Института истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР // СЭ, 1975, № 4. С. 91–92.

История народов Узбекистана // В 3-х тт. Т. II. / Отв. ред. В. Я. Непомнин, В. А. Шишкин. Ташкент: Изд-во Уз ССР Академии наук, 1947. 514 с.

Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока / Л.: Государственный Эрмитаж. 1947. 146 с.

Кверфельдт Э. К. Китайская керамика XII–XIII вв. на Кавказе. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1933. С. 189–191.

Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1871 г / Отв. ред. А. К. Михайлов. СПб.: Изд. Бортневского, 1871. 109 с.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира» / Отв. ред. И. Л. Елевич. М.: Наука 1972. С. 42–43.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / Отв. ред. Н.А. Халфина, М.: Наука, 1975. 180 с.

Мирзаахмедов Д. Археологические материалы, связанные со сложением Риштано-Ферганской школы керамики // Риштанская керамика: вчера, сегодня, завтра. Материалы Международной научно-практической конференции. Фергана. 2023. С. 8–23.

Мирзаахмедов Дж. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII – первой половины XVIII вв. // ИМКУ. Вып.16. Ташкент. 1981. С. 96–113.

Мирзаахмедов Д.К. К истории художественной культуры Бухары / Отв. ред. А. Р. Мухамеджанов Ташкент: ФАН 1990. 152 с., илл.

Мирзаахмедов Д.К. Новые позднесредневековые археологические комплексы по материалам Бухары // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса / Материалы конференции по результатам совместных Узбекско-Итальянских исследований в археологии и востоковедении. Бухара 26–27 сентября 2003 г. Самарканд–Рим. 2006. С. 104–112, илл. 166–192.

Мирзаахмедов Дж., Ахраров И. Керамика Риштанского типа из Бухары второй половины XIX в.// ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981. С. 114–125.

Мирзаахмедов Д.К., Матбабаев Б.Х., Султанова М.Н. Средневековая керамика Андижана // Археология Узбекистана. № 1. Самарканд. 2010. С. 73–85.

Мирзаахмедов Д.К. Из истории гончарного производства в Бухаре (конец XIX-начало XX в) // Общественные науки в Узбекистане. №10. 1980. С. 74.

Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии /Отв. ред. Л. П. Потапов. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1959. 202 с.

Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV–XVI вв. // Труды ЮТАКЭ. Т. I. / Отв. ред. М.Е Массон. Ашхабад: Изд-во Туркменского Филиала Ак наук СССР, 1949. С. 400–417.

Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в.// Труды САГУ. Новая серия. Вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3. Ташкент, 1950. С. 104, илл. 4 (С.91-120).

Пругер Е. Б. К находкам бирюзы на городищах старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XV/ Отв. ред. М.Е Массон. Ашхабад: ЫЛЫМ, 1974. С. 278-283.

Пруслина К. Н. Русская керамика / М.: Наука, 1974. 160 с.

Развадовский В. Опыт исследования гончарного и некоторых других кустарных промыслов в Туркестанском крае // «Туркестанское сельское хозяйство», № 8. Ташкент, 1916. С.51.

Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана / Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, Ин-т искусствознания им. Хамзы 1961. 244 с.у

Семенов А. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. Т. 1. № 3. СПб., под ред. В Бартольда. 1912. С.70.

Сухарев И. А. Два блюда XV в. из Самарканда. // Труды Института истории и археологии / Ташкент: изд-во Ан УзССР, 1948. С.135.

Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (75 квартал Деволи пахса) / Отв.ред В. В. Волгина М.: НАУКА, 1976. 367с.

Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Изд-во»Труды» Государственного Исторического музея. Выпуск XXI. Издание Государственного Исторического музея. 1952. 138 с.

Чабров Г. Н. Туркестан на Всероссийских и Всемирных выставках (1867–1914). // Труды САГУ, Новая серия, вып. 142, исторические науки, кн. 30, Ташкент: 1958, 117 с.

Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа / Отв. ред. Т. А. Жданко. Ташкент: ФАН, 1974. 158 с.

REFERENCES:

Ajni S. 1974. In. Shukurov. Osadre Zie (ed.) *Sobr. soch. (Collected essays)*. Vol. 5. Moscow: GIKHL, Publ., 18—28. (In Russian)

Anarbaev A. 2023. In. F. A. Maksudov (ed.). *Arkheologicheskij park Akhsikenta (Archaeological parks of Akhsikent). Akhsikent i goroda Fergany na Velikom SHelkovom Puti (Akhsikent and the cities of Fergana on the Great Silk Road).* Vol. I. Tashkent: FAN Publ., 321. (In Russian)

Andreev M. S. 1926. *K materialu po sredneaziatskoj keramike (To the material on Central Asian ceramics).* Tashkent: 8–11. (In Russian).

Andreev M. S., Chekhovich O. D. 1972. In A. K. Pisarchik, O. D. Chekhovich. (eds.). *Ark Bukhary v kontse XIX – nachale XX vv. (Arch of Bukhara at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries).* Dushanbe: Donish Publ., 106. (In Russian).

Akhrarov I. 1962. *Srednevekovye chernil'nitsy s gorodishha Kuva (Medieval inkwells from the site of Kuva). In ONU (Social sciences in Uzbekistan)*. № 1. Tashkent, 61–62. (In Russian).

Burdukov N. 1904. *Goncharnye izdeliya Srednej Azii (Pottery of Central Asia)*. Saint Petersburg: Ministerstvo finansov Publ., XVIII pp., color. ill. 36 x 27 cm. (In Russian).

Vel'yaminov-Zernov V. 1856. *Svedeniya o Kokandskom khanstve (Information about the Kokand Khanate.).* In *Vestnik RGO*, ch. XVIII. Saint Petersburg: Tipografiya Ehduardo Pratsa Publ., 107–152. (In Russian).

Golovin G. 1909. *Kustarnye promysly Turkestana. Turkestanskij sbornik (Handicrafts of Turkestan. Turkestan collection).* Vol. 512. Tashkent: 17–32. (In Russian).

Ershov N. I. 1975. *Sobranie ehtnograficheskikh kollektsij Instituta istorii im. A. Donish AN Tadzh (Collection of ethnographic collections of the Institute of History. A. Donisha AN Taj. SSR.* In Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography). № 4. 91–92. (In Russian).

Istoriya narodov Uzbekistana (History of the peoples of Uzbekistan). 1947. In. V. Ya. Nepomnin, V.A. Shishkina (eds.). T. II. Tashkent: Uz SSR Akademiya Nauk. Publ., 514. (In Russian).

Kverfel'dt Eh. K. 1947. *Keramika Blizhnego Vostoka (Pottery of the Middle East)*. Leningrad: Gosudarstvennyj Ehrmitazh Publ., 146. (In Russian).

Kverfel'dt Eh. K. 1933. *Kitajskaya keramika XII–XIII vv. na Kavkaze. Pamyatniki ehpokhi Rustaveli. (Chinese ceramics of the 12th–13th centuries. in the Caucasus. Monuments of the Rustaveli era).* Leningrad, 189–191. (In Russian).

Kostenko L. F. 1871. In. A. K. Mikhajlov (ed.). *Puteshestvie v Bukharu russkoj missii v 1871 g (Travel to Bukhara by the Russian mission in 1871).* Saint Petersburg: Bortnevskiy Publ., 109. (In Russian).

Litvinskij B. A. 1972. In. I. L.Elevich. (ed.). *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient nomads of the "Roofs of the World").* Moscow: Nauka Publ., 42–43. (In Russian).

Mejendorf E.K. 1975. In. N. A. Khalfina (ed.). *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu (Travel from Orenburg to Bukhara)*. Moscow: Nauka, Publ., 180. (In Russian).

Mirzaakhmedov D. 2023. *Arkheologicheskie materialy, svyazannye so slozheniem Rishtano-Ferganskoj shkoly keramiki. Rishtanskaya keramika: vchera, segodnya, zavtra.* In *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (Archaeological materials related to the formation of the Rishtan-Fergana school of ceramics. Rishtan ceramics: yesterday, today, tomorrow. Materials of the International Scientific and Practical Conference).* Fergana, 8–23. (In Russian).

Mirzaakhmedov D. 1981. *Glazurovannaya keramika Bukhary vtoroj poloviny XVII – pervoj poloviny XVIII vv. (Glazed ceramics of Bukhara from the second half of the 17th – first half of the 18th centuries). In IMKU (History of material culture of Uzbekistan)*. Issue 16. Tashkent. 96–113. (In Russian).

Mirzaakhmedov D. K. 1990. In. A. R. Mukhamedzhanov. (ed.). *K istorii khudozhestvennoj kul’tury Bukhary (On the history of artistic culture of Bukhara).* Tashkent: Fan Publ., 152. (In Russian).

Mirzaakhmedov D. K. 2006. *Novye pozdnesrednevekovye arkheologicheskie kompleksy po materialam Bukhary. Drevnyaya i srednevekovaya kul’tura Bukharskogo oazisa. Materialy konferentsii po rezul’tatam sovmestnykh Uzbeksko-Ital’yanskikh issledovanij v arkheologii i vostokovedenii (New late medieval archaeological complexes based on materials from Bukhara. Ancient and medieval culture of the Bukhara oasis. Conference materials on the results of joint Uzbek-Italian research in archeology and oriental studies).* Bukhara 26–27 sentyabrya 2003 g. Samarkand–Rim, 104–112, ill. 166–192. (In Russian).

Mirzaakhmedov Dzh., Akhrarov I. 1981. *Keramika Rishtanskogo tipa iz Bukhary vtoroj poloviny XIX v. (Rishtan type ceramics from Bukhara in the second half of the 19th century)*. In *IMKU (History of material culture of Uzbekistan)*. Issue 16. Tashkent, 114–125. (In Russian).

Mirzaakhmedov D. K., Matbabaev B. Kh., Sultanova M.N. 2010. *Srednevekovaya keramika Andizhana (Medieval ceramics of Andijan).* In *Arkheologiya Uzbekistana.* № 1. Samarkand. 73–85. (In Russian).

Mirzaakhmedov D. K. 1980. *Iz istorii goncharnogo proizvodstva v Bukhare (konets XIX-nachalo XX v) (From the history of pottery production in Bukhara (late XIX-early XX century).* In *Obshhestvennye nauki v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan).* №10. 74. (In Russian).

Peshhereva E. M. 1959. In. L. P. Potapov. (ed.). *Goncharnoe proizvodstvo Srednej Azii (Pottery production in Central Asia)* Moscow: Akademii Nauk SSSR. Publ., 202. (In Russian).

Pugachenkova G. A. 1949. In. M.E Masson. (ed.). *Glazurovannaya keramika Nisy XV–XVI vv (Glazed pottery from Nisa, 15th–16th centuries).* In Trudy YUTAKEH. T. I. Ashkhabad: Turkmenskogo Filiala Ak nauk SSSR. Publ., 400–417. (In Russian).

Pugachenkova G. A. 1950. *Samarkandskaya keramika XV v. (Samarkand ceramics of the 15th century). In Trudy SAGU (Proceedings of Central Asian State University)*. Novaya seriya. Issue XI. Gumanitarnye nauki, kn. 3. Tashkent, 104, ill. 4 (91–120). (In Russian).

Pruger E. B. 1974. In. M.E Masson. (ed.). *K nakhodkam biryuzy na gorodishhakh starogo Merva (To the finds of turquoise on the fortifications of old Merv).* In *Trudy YUTAKEH (Proceedings of the South Turkmen archaeological complex expedition).* Vol. XV. Ashkhabad: Ylym Publ., 278–283. (In Russian).

Pruslina K. N. 1974. *Russkaya keramika* (Russian ceramics). Moscow: Nauka Publ., 160. (In Russian).

Razvadovskij V. 1916. *Opyt issledovaniya goncharnogo i nekotorykh drugikh kustarnykh promyslov v Turkestanskom krae (Experience in researching pottery and some other handicrafts in the Turkestan region).* In *Turkestanskoe sel’skoe khozyajstvo.* № 8. Tashkent, 51. (In Russian).

Rakhimov M. K. 1961. *Khudozhestvennaya keramika Uzbekistana (Artistic ceramics of Uzbekistan)*. Tashkent: Akad. nauk UzSSR Publ., 244. (In Russian).

Semenov A. A. 1912. In. V Bartol’d. (ed.). *Iz oblasti vozzrenij musul’man Srednej i Yuzhnoj Azii na kachestvo i znachenie nekotorykh blagorodnykh kamnej i mineralov (From the views of Muslims in Central and South Asia on the quality and significance of some noble stones and minerals).* In *Mir islama.* Vol. 1. № 3. Saint Petersburg, 70. (In Russian).

Sukharev I. A. 1948. *Dva blyuda XV v. iz Samarkanda. Trudy Instituta istorii i arkheologii (Two dishes from the 15th century. from Samarkand. Proceedings of the Institute of History and Archeology)*. Tashkent: AN UzSSR, Publ., 135. (In Russian).

Sukhareva O. A. 1976. In. V. V. Volgina (ed.). *Kvartal’naya obshhina pozdnefeodal’nogo goroda Bukhary (75 kvartal Devoli pakhsa) (Quarterly community of the late feudal city of Bukhara (75th quarter of Devoli pakhsa)*. Moscow: Nauka Publ., 367. (In Russian).

Fekhner M. V. 1952. In. M. N. Tikhomirov (ed.). *Torgovlya russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI v. (Trade of the Russian state with the countries of the East in the 16th century).* Issue XXI. Moscow: Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya Publ., 138. (In Russian).

Chabrov G. N. 1958. T*urkestan na Vserossijskikh i Vsemirnykh vystavkakh (1867–1914). In Trudy SAGU, Novaya seriya.* Issue 142, istoricheskie nauki, kn. 30, Tashkent: Publ, 117. (In Russian).

Shaniyazov K. Sh. 1974. In T. A. Zhdanko. (ed.). *K ehtnicheskoj istorii uzbekskogo naroda (Towards the ethnic history of the Uzbek people)*. Tashkent: Fan Publ., 158. (In Russian).

ORIGINS AND DEVELOPMENT OF THE RENOWNED RISHTAN-FERGHANA SCHOOL OF CERAMISTS: INSIGHTS FROM ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES

© 2023. Mirzaakhmedov Jamaliddin, Sultanova Munira, Mirzaakhmedov Sirojiddin

Samarkand Institute of Archeology named after Y. Gulyamov

Key words: glazed ceramics, Bukhara, Rishtan, Fergana, school, material, shape, bowls, dishes.

This article summarizes the materials of archaeological research and ethnographic sources on one of the most famous but underexplored in the literature school of Rishtan ceramic production. Based on archaeological finds from the upper horizons of Ark and Shahristan of Bukhara, cultural layers around the Shaykhantaur Mausoleum in Tashkent, as well as numerous samples of Rishtan and Rishtanoid dishes from museum collections of Uzbekistan, the origins of the appearance, characteristic features and reasons for its wide and rapid spread in the ceramic markets of Central Asia during the second half of the 19th century are examined. According to the results of our research, both in terms of technical manufacturing characteristics and artistic style indicators, the newly emerged school of Rishtan products in color scheme was completely different from the old, traditional “kadyma”. This difference was primarily seen in the use of a solid turquoise or white glaze that thoroughly covered both the interior and exterior surfaces of the items, including the base. Cobalt and manganese ornamentation was applied to the exterior surface of bowls, leaving the interior unadorned. The dishes had a squat shape, convenient for eating thick forms of food (plov) by hand. But a common characteristic was the mandatory affixing of schematic pseudo-Chinese stamps on pallets. Based on the presented materials, the emergence rapid and widespread distribution of the products of the Rishtan school of masters can be seen as an innovative adoption of forms and colors, the style of expensive Chinese porcelain particularly celadons which was believed to possess protective powers, even in fragmentary form, in Bukhara. Thanks to the high assessments of experts and enthusiasts samples of Rishtan and Rishtanoid ceramic products from other cities of the Fergana Valley were almost always included in the exhibits of the Turkestan department at All-Russian and International exhibitions, repeatedly awarded with prizes and medals, including at the World Exhibition in Paris in 1900.